

Научная статья
УДК 101.1:316
DOI: 10.18101/1994-0866-2022-4-3-9

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© **Николаева Евгения Михайловна**
доктор философских наук, профессор,
Казанский федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
kaisa1011@rambler.ru

© **Николаев Михаил Сергеевич**
кандидат философских наук, магистрант,
Казанский инновационный университет
Россия, 428111, г. Казань, ул. Московская, 42
mihrutkanik@gmail.com

Аннотация. В статье приводится исследование нового (цифрового) медийного пространства в его антропологическом срезе. Авторами эксплицированы антропологические сдвиги, фундированные спецификой современных медиа, которые обнаруживают признаки гуманитарного кризиса. Снижение эгалитарного потенциала цифровой публичной сферы разрушает культуру гражданского участия, делает невозможным формирование делиберативного пространства дискуссионности. Транзит идентичности в цифровое пространство, где она представлена в виде профиля в сети, переводит вектор личностной активности с собственной самости на цифровую представленность. В условиях интерактивных цифровых медийных потоков человек преодолевает перегруженность и обремененность свободой посредством терапии отождествления, утрачивая ментальную призму, направленную на рациональную рефлекссию. Симптомами человеческой инфляции являются разрушение основ мотивации, целеполагания, нивелирование понимания жизни как осмысленного движения, для которого характерны связность, системность, континуальность.

Ключевые слова: социальные медиа, публичная сфера, гражданин, делиберация, эгалитарность, идентичность, самость, профилизация, болезнь свободы, деконтекстуализация.

Для цитирования

Николаева Е. М., Николаев М. С. Антропологическая динамика в условиях цифровой реальности // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 4. С. 3–9.

Медиареволюция, которую человечество переживает с конца XX в., привела к возникновению цифровой реальности, в которой человек обретает новые атрибуты и утрачивает прежние, традиционно определявшие его на протяжении длительного времени. Подобного рода трансформации носят настолько фундаментальный характер, что их можно маркировать как антропологические сдвиги. Они затрагивают идентичность человека, его статус ответственного и зрелого

гражданина, действующего в делиберативной публичной сфере, лимитируют и даже блокируют ментальную активность, привычку работать с идеями, рефлексировать, выявлять нестыковки в собственном мышлении и в мышлении других, ставят под вопрос качество личностной коммуникации и социальных связей.

В своей недавно опубликованной книге известный немецкий философ Ю. Хабермас дает пессимистичный диагноз современной ситуации состояния медиа и публичной сферы [9]. Он выносит неутешительный диагноз времени — цифровые медиа разрушают сферу публичности. Здесь следует сделать небольшой ретроспективный шаг и вспомнить его давнюю работу 1962 г., принесшую исследователю широкую известность [5]. Книга написана в период, когда в европейском обществе активно формируются интеллектуальные движения, начинающие влиять на политическую и правовую сферу, тем самым создавая открытое пространство обсуждений. В этой работе Ю. Хабермас развивает концепцию дискурсивной этики, в соответствии с которой граждане, вступающие в дискуссию, аргументирующие и отстаивающие свою позицию, должны исходить из ряда базовых предпосылок, носящих прагматический характер. Главной предпосылкой выступает идеальная языковая ситуация, в которой имеет силу только принуждение лучшего аргумента — «непринудительное принуждение лучшего аргумента» [8, с. 120]. В коммуникации, направленной на достижение согласия, взаимопонимания, нас принуждает принять то или иное решение только лучший аргумент. Эмпирическое воздействие, страх, обман, психологическое насилие аргументами не являются. На этом выстраивается делиберативная демократия, предполагающая наличие публичного пространства дискуссионности, обсуждения социально значимых вопросов.

На первый взгляд может показаться, что Ю. Хабермас должен приветствовать появление новых (социальных) медиа, ведь они приблизили его идеал к максимуму. Социальные медиа содержат огромный потенциал эгалитарного участия, они демократизируют общение, создают пространство обсуждения. Но одновременно с этим формируются и авторитарные тенденции, которые ставят идеал Хабермаса под вопрос. Новая (цифровая) сфера публичности принципиально не структурирована и лишена содержательных фильтров в отличие от традиционной сферы публичности. Там активно действовали образованные журналисты, редакторы, корректоры, существовала проверка фактов, качества аргументов, что обеспечивало качество коммуникативных ходов, соответственно качество делиберации. В цифровом публичном пространстве мы имеем вал мнений, который, по Хабермасу, обладает и авторитарным, и эгалитарным потенциалом. Для цифровых концернов качество аргументов играет последнюю роль. Гораздо важнее интерес к платформе, количество фолловеров и их лайки. Вместо позиции свободного, зрелого гражданина здесь возникает товар (экономизация мнений). Мнение превращается в подобие мнения, а публичность в псевдопубличность. Лидеры мнений, блогеры подавляют и подчиняют журналистику.

Ю. Хабермас обращает внимание еще на одну проблему цифровой публичности. Изобретение книгопечатания сделало всех потенциальными читателями, мир раскрылся как адресованный публике, читателю. С появлением социальных ме-

диа все становятся авторами, и это — проблема. Большинство не готово к этой роли, поскольку этому надо учиться (развивать рефлексивно-критическое мышление, умение аргументировать свою позицию, формировать обоснованное мнение и т. д.). Кроме того, пространство социальных медиа должно быть структурировано интеллектуалами, которые могут выступать в качестве наставников, учителей, редакторов, журналистов. Это есть одно из условий формирования пространства публичности для всех, обладающего свойством инклюзивности. Сегодня же оно представляет собой эксклюзивное пространство, носящее коммерческий характер, обслуживающее экономические цели. В этом безликом медийном пространстве искусственно формируется общественное мнение (как бы общественное мнение), которое становится инструментом субкультур власти. В то время как эгалитарный потенциал нового медийного пространства подавляется авторитарными тенденциями, а это не способствует развитию культуры гражданского участия. Подобные тенденции становятся маркерами одного из антропологических сдвигов, фундированных спецификой современных медиа, — зрелый гражданин как активный участник идеальной языковой ситуации все больше приобретает черты мыслительного конструкта, которому в реальности никто не соответствует.

Еще одним значимым антропологическим сдвигом является трансформация понятия самости и идентичности, которые в цифровом обществе уже не связаны с традиционными представлениями о них. Линия, заданная в эпоху античности, идущая через средневековье и Новое время, содержит признаки дискретности. Немецкий философ Х. Г. Меллер в связи с этим пишет, что на передний план сегодня выдвигается человек, обслуживающий свой профиль в социальной сети. Соответственно, вполне уместно говорить о профильной идентичности и профильной самости [10].

Пользователь пытается себя позиционировать через представленность в этих профилях, и его идентичность приобретает профильный характер. Это усложняет способ существования, поскольку нужно как можно чаще пребывать онлайн, поддерживать свой профиль, обслуживать его, работая над его наполнением, что требует временных затрат. Как результат, работа над собой подменяется заботой и уходом за профилем. Идентичность становится гетерогенной, при этом в традиционной социально-культурной среде теперь присутствует лишь малая часть человеческой самости; зачастую эта часть пребывает в состоянии «заброшенности». Ряд отечественных исследователей обращают внимание на появление новой формы идентификации, которую они называют цифровой [2–4].

Французский исследователь А. Эренберг размышляет о потерянной самости, которая, на его взгляд, является болезнью свободы [7]. С середины XX в. в обществе происходит отказ от прежних социальных схем, на человека обрушивается свобода выбора. Его жизнь теперь не детерминирована или слабодетерминирована сословными нормами, социальным происхождением, семейным опытом, социальными ролями. Свобода предоставляет неограниченное количество траекторий личностной реализации. Теперь не требуется продолжать профессию родителей, жить там, где родился, советоваться с семьей при выборе спутника жиз-

ни. Но выбирать трудно, поскольку выбор сопряжен с ответственностью и чувством вины. Выбор одного варианта означает отказ от всех остальных. Свобода перегружает, изматывает, формирует чувство недовольства и неудовлетворенности совершенным выбором. При этом страдают как «победители», чей выбор привел их к материальному, профессиональному успеху, так и «пораженцы». Свобода терроризирует человека, обременяет его, ставя перед перманентным выбором и вынуждая платить за риски. Британский социолог З. Бауман указывает на дефицит «таких паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиниться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров» [1, с. 13]. Он фиксирует переход «из эры заранее заданных «референтных групп» в эпоху «универсального сравнения», в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежно неопределенна, не задана заранее и может подвергнуться многочисленным и глубоким изменениям прежде, чем эти усилия достигнут своего подлинного завершения: то есть завершения жизни человека» [1, с. 13].

Человек, поставленный в ситуацию интерактивных цифровых медийных потоков, не связанных с аналитикой, утрачивает ментальную призму, позволяющую выстраивать определенный порядок, вписывать в него факты, события, собственные действия и действия других. Потребитель подключен к системе, которая ежесекундно выдает потоки данных, производит моментальную смену декораций. Деконтекстуализация событий, фактов, мыслей о них в цифровых медиапотоках становится нормой, здесь нет места практикам осмысленности, сюжетности, нарративности, дискурсивности. «Перегруженному» свободой индивиду хочется одного — присоединиться к «правильному» хору мнений (хейту), «моральной» точке зрения вместо рациональной рефлексии, которая в подобных условиях невозможна и на которую он не способен. Здесь можно наблюдать эффект терапии отождествления, которая выражается в желании примкнуть, поддержать волну хейта и тем самым избавиться от необходимости выбирать и думать.

Одновременно с этим обнаруживаются симптомы человеческой инфляции, которая является признаком еще одного антропологического сдвига: разрушаются основы мотивации, целеполагания, нивелируется понимание жизни как осмысленного движения, для которого характерны связность, системность, континуальность. Перечисленные симптомы оркеструются вокруг проблемы мировоззрения. Вопросы, обращенные к самому себе: «есть ли у меня мировоззрение; личность ли я; есть ли у меня картина мира; работаю ли я над своим мировоззрением, создаю ли я его», являются очень непростыми, относящимися к феноменам и процессам, которые нельзя назвать естественными, наличествующими по определению. Проблема мировоззрения может быть концептуализирована посредством трех вопросов, задающих его структуру:

1) *Что и как есть (бытийствует)?* Человек, живущий в определенную эпоху, является носителем той или иной модели реальности, которая не всегда осознается (является фоном). Это собственная имплицитная онтология (скрытая, непроясненная картина реальности вообще).

2) *Что и как я знаю?* Эпистемическое отношение к миру, механизмы, схемы объяснения, позволяющие отделить правду от лжи, способность найти источники информации, которым можно доверять. Это то, что определяет эпистемические реакции человека и экологию мировоззрения.

3) *Что и как я делаю (как взаимодействую)?* Это скрытая моральная философия в ее широком значении, поиски ответа на вопрос: «Что я должен делать и почему? Как правильно поступать в отношении себя и других?». Это моральные основания для выстраивания социальных интеракций и коммуникации.

Следует отметить, что названные компоненты мировоззрения динамически взаимодействуют друг с другом, как следствие, мировоззрение пребывает в процессе постоянного становления, оно не является чем-то ставшим и окончательно оформленным.

Проблема заключается в том, что картина реальности, эпистемическое отношение к миру, моральные основания нашего поведения зачастую складываются в нас спонтанно на протяжении жизни в результате внешних влияний. В цифровой реальности количество подобных влияний многократно возрастает. Мы зависимы и не знаем, что наше, а что пришло извне, предпочитая действовать по типу спонтанных отождествлений. Для обретения психологической устойчивости мы используем готовые схемы интерпретации, с которыми пытаемся максимально себя отождествить. От человека требуется подвергнуть эти влияния осмыслению, задуматься об их качестве: разрушительное оно или созидательное.

Однако фрагментарность и случайность нашего Я, которое мы получаем вместе с потоками влияния, его незрелость делают эту задачу неразрешимой. Преодолеть эфемерность собственной самости, вывести себя из цифровой Пещеры (образ Платона) — это современная антропологическая повестка. Речь идет о созидательной работе, переводящей хаос внешних влияний во внутреннюю упорядоченность. Она предполагает умение приводить многообразие опыта (прочитанное, просмотренное, прослушанное и т. п.) к целостности, системности, связности и тем самым выстраивать из партикулярной информации знаниевую, мировоззренческую систему координат. Здесь уместно использовать в логике трансдисциплинарного переноса из теории сложности понятие «диссипация» (лат. рассеивать). Оно концептуализирует процесс присвоения/усвоения внешних влияний, перевод «чужого» в «свое». Диссипация позволяет отделить важное, существенное от неважного, поверхностного. Через диссипативные процессы, которые информационно и энергетически поддерживают первое и, напротив, нивелируют второе, происходит определение собственного места в мире.

Забота о мировоззрении — это забота о личности (о душе), попытка понять себя, сообразуясь с принципом целостности. В этом контексте мировоззрение выступает гарантом нашей безопасности, согласия с собой, другими людьми и с миром. Если осознанно и целенаправленно не заниматься им, то мы обрекаем себя на существование в очень напряженном поле, где множественные внешние влияния пытаются разрушить те ментальные скрепы, которые позволяют нам оставаться личностью.

Американский исследователь Ян Богост обращает внимание на опасную тенденцию функционирования цифрового пространства как смещение контроля над общественным дискурсом — «от медиа-организаций, правительств и корпораций к обычным гражданам. Люди могли публиковать тексты, изображения, видео и другие материалы без предварительного согласия изданий и вещательных компаний... Таким образом мы получили токсичную свалку» [6]. Легкость установления связей, отсутствие различий между близкими, друзьями, незнакомцами означает, что каждый пост может успешно апеллировать к худшим страхам людей и превращать их в радикалов. В развитии идей Я. Богоста можно отметить, что огромное множество контактов не делает их социальными связями и не улучшает качество социальных отношений. На смену связям приходят поверхностные контакты. Я. Богост предлагает поставить под сомнение фундаментальную предпосылку цифровой жизни: возможно, люди вообще не способны так много и часто контактировать с таким количеством акторов [6].

Антропологическая динамика современности детерминирована перманентным присутствием человека в цифровом пространстве, вследствие чего его традиционные атрибуты претерпевают качественные трансформации. Последствия этих процессов исследователям еще предстоит оценить.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с. Текст: непосредственный.
2. Емелин В. А. Идентичность в информационном обществе. Москва: Канон+, 2017. 360 с. Текст: непосредственный.
3. Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Информатизация образования. 2019. Т. 16, № 3. С. 207–218. Текст: непосредственный.
4. Конева А. В. «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2018. № 1. С. 50–60. Текст: непосредственный.
5. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы. исследования относительно категории *буржуазное общество*. Москва: Весь мир, 2016. 344 с. Текст: непосредственный.
6. Bogost I. Zu viel Gerede // Philosophie Magazin 20 Impulse für 2022. URL: <https://www.philomag.de/archives/impulse-fuer-2022> (дата обращения: 23.10.2022).
7. Ehrenberg A. The Weariness of the Self. Diagnosing the History of Depression in the Contemporary Age. Mc Gill-Queen's University Press. Montreal. Reprint edition, 2016. 376 p.
8. Habermas J. Vorstufen und Ergänzungen zur. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. 605 s.
9. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Suhrkamp Verlag AG, Berlin, 2022. 108 s.
10. Moeller H.-G, Ambrosio P. J. D. You and Your Profile: Identity After Authenticity. Columbia University Press. New York, 2021. 312 p.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 06.11.2022; принята к публикации 29.11.2022.

ANTHROPOLOGICAL DYNAMICS
IN THE CONTEXT OF DIGITAL REALITY

Evgenia M. Nikolaeva

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,

Kazan (Volga Region) Federal University,
18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russia
kaisa1011@rambler.ru

Mikhail S. Nikolaev

Cand. Sci. (Philos.), Master's Student

Timiryasov Kazan Innovative University
42 Moskovskaya St., Kazan 420111, Russia
mihrutkanik@gmail.com

Abstract. The article studies a new (digital) media space in the anthropological context. We explicate anthropological shifts, based on the specifics of modern media, which bear the marks of a humanitarian crisis. The decline in the egalitarian potential of the digital public sphere destroys the culture of civic participation, makes it impossible to form a deliberative space of discussion. The transit of identity into the digital space, where it is presented in the form of a profile on the network, transfers the vector of personal activity from one's own self to digital representation. In the context of interactive digital media flows, a person overcomes overload and the burden of freedom through identification therapy, losing the mental prism aimed at rational reflection. The symptoms of human inflation are the destruction of the foundations of motivation and goal-setting, the levelling of understanding the life as a meaningful movement, which is characterized by coherence, systemicity, continuity.

Keywords: social media, public sphere, citizen, deliberation, egalitarianism, identity, the self, profiling, sick from freedom, decontextualization.

For citation

Nikolaeva E. M., Nikolaev M. S. Anthropological Dynamics in the Context of Digital Reality. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2022; 4: 3–9 (In Russ.).

The article was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 06.11.2022; accepted for publication 29.11.2022.